

Последняя зоря

«Сколько бы ни изучать старых усадеб, никогда нельзя почувствовать усталости и пресыщенности. В них нет однообразия, нет повторений. Вся сложность эпохи русского романтизма, зрелище дум Новикова и Радищева, преобразовательных замыслов Екатерины II, поэзии Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, 1812 год, александровский мистицизм, орлиный взлет юного Пушкина, песни Дельвига и Дениса Давыдова — таков духовный фон, на котором складывались подмосковные. Были в России времена, когда больше думали и работали, но никогда не жили более ярко, никогда не чувствовали так разнообразно, так многостороннее!..»

Так писал в начале нашего века известный исследователь русской дворянской усадьбы Ю. И. Шамурин. Этими словами мы и начнем наш рассказ.

Судьба русской усадьбы — горькая. Редко какой повезло — не сожгли, не разграбили, как Шахматово, а превратили в музей — как Кусково, или в санаторий для начальников, как Остафьево и Марфино.

Сколько их было в России, усадеб?

Сколько старинных дворцов оказались без хозяйской опеки, без заботливой руки, которая вовремя починит крышу, сменит обивку в комнатах, вставит разбитое ветром стекло... Тысячи их было. Тысячи!

Нынче, куда ни приедешь, везде покажут место, где стоял барский дом, покажут руины строенных барин мельниц, школы, больницы.

Той России нет и не будет. Она осталась в видениях художников «Мира искусства», в тургеневских романах, ее можно угадать в фильмах Никиты Михалкова, она живет в славных именах — Останкино, Архангельское, Полотняный Завод... Той России и не может быть, потому что любой музей лишь хранит вещи, но дух отлетел от усадьбы, навсегда ушла из нее живая жизнь поколений. Потому что в усадьбах больше не пьют вина и не играют в карты, не обсуждают виды на урожай, не

любят хорошеньких крестьянок, не пишут семейных портретов, в них больше не умирают — ни от обжорства, ни от меланхолии. В лучшем случае сюда приходят экскурсанты — равнодушно смотрят на чужую жизнь, как те, которых описал в рассказе «Ханский огонь» Михаил Булгаков. В том же рассказе мелькнуло, едва ли не последнее в русской литературе, описание усадебного дома: «Свет последней зари падал сквозь сетку плюща, затянувшего стеклянную дверь на террасе с белыми вазами. Шесть белых колонн с резными листьями вверху поддерживали хоры, на которых когда-то блестели трубы музыкантов. Колонны возносились радостно и целомудренно, золоченые легонькие стулья чинно стояли под стенами. Темные гроздья кенкетов глядели со стен, и, точно вчера потушенные, были в них обгоревшие белые свечи».

Жизнь только-только покинула этот дом — Булгаков написал рассказ в 1924 году. А потом? Она и не могла вернуться, как не могли возвратиться старые хозяева. И сегодня кажутся неизными предложения вернуть уцелевшие усадьбы прежним владельцам, живущим в Америке или во

←
Неизвестный художник.
Дворянская усадьба. Акварель из семейного альбома. XIX в.

Франции. Что они будут делать с ними? Уклад усадебной жизни, тесно связанный с природой, земледелием, родовыми обычаями и жизнью крестьян, утрачен навсегда. Помещики станут дачниками?..

Но как ни горько осознание потери, душа всякий раз наполняется «светом последней зари», когда входяшь под сень старинных липовых аллей, ведущих к портику, белеющему в сумерках. Блестит эта негасимая заря в окнах Ясной Поляны, Яропольца, Щелыкова, Михайловского, знаменитых «подмосковных»... И скрипят половицы крылец, и стелются узоры наборных паркетов, и жарко горят свечи в жирандолях, пусть электрические. Висят в золоченых рамах картины эпохи классицизма, гравюры XVIII века с видами Петербурга, Твери, Ярославля. В библиотечных шкафах поблескивают кожаные корешки старинных книг. Как у Гумилева: «На полке, рядом с пистолетами, Барон Брамбеус и Руссо».

Слава Богу, что уцелели хоть эти островки былой России — и их достанет, чтобы чуткому сердцу нашептать «сон золотой», чтобы мираж овладел вами и вы услышали голоса счастливой семьи Набоковых или юного Александра Блока, или скрипучий старческий Ильи Ефимовича Репина... Они все из той — усадебной России, без которой мы, сегодняшние, были бы нищими, потому что не имели бы Пушкина и Лермонтова, не имели бы «Отцов и детей», «Обломова», «Войну и мир», «Другие берега». Без той, усадебной России у нас было бы намного меньше музеев, потому что коллекции художественных галерей наполовину составлены из галерей усадебных — там ведь собраны были несметные художественные богатства.

А кроме того — мир усадеб — это прямая дорожка в лес, на охоту, к «Охотничьим рассказам». Да и сам усадебный дом всегда возникает в нашем воображении как продолжение окружающей его природы, неотделим он от вековых парков, от каскадных прудов с карасями, от хозяйственных флигелей, от конюшен и псарен, где кони и гончие такие встречались, что хоть сразу на всемирную выставку.

Впрочем, я не пишу реферат о культурной и экономической роли усадьбы в жизни России. Это, кстати, еще предстоит сделать историкам. Моя задача проще — объяснить читателю, почему мы решили весь номер посвятить усадьбе. Потому что все мы, безродные разночинцы, оказались наследниками романтической дворянской культуры. Некому больше наследовать. И пусть не обижаются нынешние дворяне — можно объявить о своей сословной принадлежности, но недавнее коммунальное прошлое скрыть нельзя: оно у каждого из нас на лбу.

Как же мы, наследники, печемся о своей прибыли? Да никак. Мало усадеб возвращается к жизни. Об одной из них — Хмелите Смоленской области — мне приходилось писать не один раз. Объясняется это просто — много лет я дружу с Виктором Кулаковым, архитектором, который двадцать пять лет назад взялся за восстановление богатой некогда усадьбы, где проводил юные годы Александр Сергеевич Грибоедов — у своего дяди. Считается, что дядя стал прототипом Фамусова, а замысел «Горя от ума» зародился здесь, в вяземской глуши.

За эти годы дворец, церковь, флигеля подняты из руин, начато возрождение прудов и парка, в усадьбе создан первый в стране музей Грибоедова, и летом, на Казанскую, в Хмелите стал проводиться грибоедовский праздник. Жизнь вернулась в эти края.

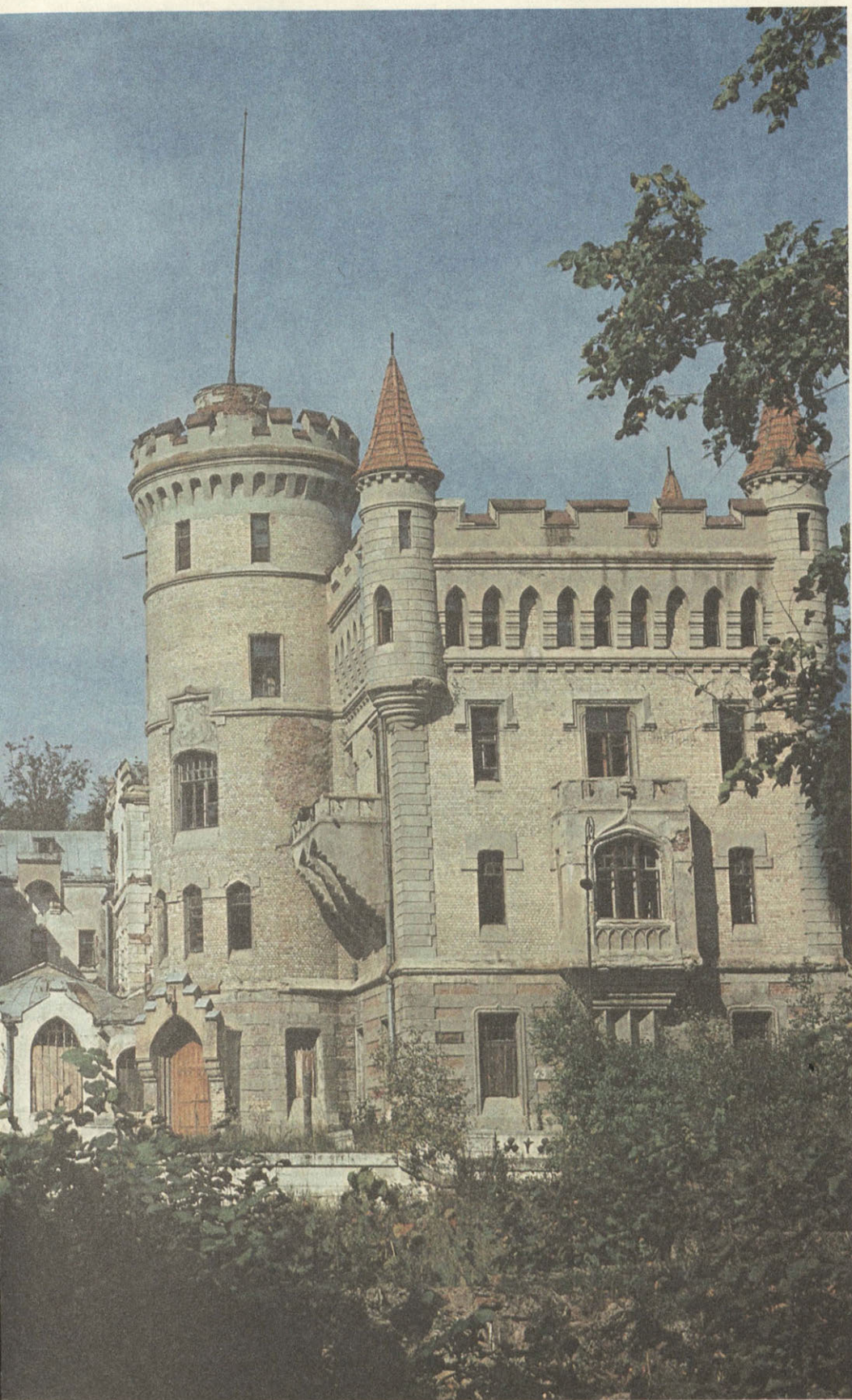
К счастью, в Москве возрождается Общество изучения русской усадьбы, — было с таким же названием в двадцатые годы. Но потом вихрь индустриализации смахнул все и вся. Кто в дни строительства Днепра прогэса вспомнил бы о погибающих дворянских гнездах? Да и рады были их гибели, как радовались разрушению храмов и монастырей. Какие времена — такие люди.

Былого не вернуть. Можно реставрировать дворец, жизнь реставрировать нельзя. Пусть будет новая. Лишь бы в старых окнах горела, как когда-то, последняя заря.

Остальное — домыслим и вспомним.

С. РАЗГОНОВ

Усадьба
Муромцево.
Владимир-
ская обл., Су-
догодский р.
Совр. фото